

МСТИТЕЛЬ. Право на кровь

АЛЕКСАНДР КОЛЮЧИЙ

Александр Лобачев (Колючий)

Мститель. Право на кровь

«Литнет»

2026

Лобачев (Колючий) А.

Мститель. Право на кровь / А. Лобачев (Колючий) — «Литнет», 2026

«— Если я не получу "Икар" сейчас, твой сын никогда не заговорит снова, он станет овощем в моих руках! — Громов поднес иньектор к шее Дани... — Макар! — закричала Лера в пустоту.»Враг загнал нас в угол. Моя жена и мой сын заперты в высокотехнологичном склепе, а таймер системы уничтожения уже запущен. Громов считает себя богом, контролирующим каждый наш вдох. Он отнял у нас пять лет счастья и теперь хочет забрать будущее. Но чтобы защитить свою семью, я готов стать настоящим дьяволом. Это финал нашей затянувшейся войны, мой самый страшный заезд. И я не остановлюсь, пока от империи Громова не останется только пепел.Комментарии приветствуются, хочу услышать обратную связь, на сколько Вам нравится книга!Первая книга цикла "Наследник. Брак по принуждению"; --->>>> Вторая книга цикла "Наследник. Брак по принуждению 2"; ---->>>>Третья книга цикла "Мститель. Цена искупления"; ---->>>>

© Лобачев (Колючий) А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глава 1

Пустота обрушивается на меня первой. Тьма под колесами «Черного Дрозда» кажется бесконечной, когда я срываюсь с края обрыва. Мотоцикл подо мной ревет на двенадцати тысячах оборотов, превращаясь в вибрирующее продолжение моего тела. Ветер бьет в визор шлема с такой силой, что шейные позвонки жалобно стонут, а в животе образуется ледяной вакуум невесомости. Прямо по курсу, над зазубренными верхушками вековых сосен, в ночное небо лезет туша «Еврокоптера». Громов. Он увозит мою кровь, моего сына, мою жизнь.

Я не дам тебе уйти.

Не сегодня, мразь.

Байк тяжело приземляется на лесную дорогу, ведущую к частному терминалу. Удар вышибает дух, челюсти смыкаются с металлическим лязгом. Переднюю вилку ведет, заднее колесо пытается обогнать переднее, но я ловлю равновесие одними кончиками ботинок, высекая фонтан искр из-под подножек. Я жив. Я всё еще в игре. Впереди, в паре сотен метров, вспыхивают стоп-сигналы кортежа Громова. Два бронированных внедорожника перекрывают трассу, пытаюсь взять меня «в коробочку» и размазать по асфальту.

– Давай, Макар, покажи им, на что способен этот хлам, – шепчу я сам себе, стискивая зубы так, что крошится эмаль.

Они идут на таран. Черные махины джипов надвигаются, как стены склепа. Воздух пропитан запахом жженой резины и моим собственным адреналином, который горьким привкусом оседает на языке. Мои пальцы нащупывают на руле тумблер портативной ЭМИ-установки. Этот прибор – последнее, что я успел собрать в «Секторе Ноль» перед тем, как его превратили в пепел. Короткий щелчок тумблера, и я выбрасываю за спину тяжелый свинцовый блок, напичканный конденсаторами.

Яркая вспышка. Она не видна глазу, но я чувствую её кожей. Электромагнитная волна режет пространство, как скальпель.

Мир вокруг внезапно гаснет. Фары джипов мигают и умирают, двигатели захлебываются, превращаясь в бесполезные куски железа. Я слышу скрежет металла – внедорожники по инерции улетают в глубокий кювет, ломая молодые березы. Я пролетаю мимо них, даже не оборачиваясь на грохот. Мой «Дрозд» лишен сложной электроники, я сам пересобрал его на старых реле, и сейчас это мое единственное преимущество.

Но впереди всё еще ревет вертолет, набирая высоту.

Дорогу преграждает последний уцелевший джип. Он шел в отдалении и не попал в зону поражения импульса. Я резко бью по тормозам, закладывая байк в глубокий занос. Дым от шин окутывает меня плотным коконом. Из машины медленно, с пугающей грацией хищника, выходит человек. Каин. Дмитрий Корсаков, верный пес Громова и мой персональный кошмар.

Его выбритый добела «ежик» волос светится в лучах моей единственной фары. Пустые голубые глаза смотрят на меня с холодным любопытством энтомолога, изучающего редкое насекомое. Он не тянется к пистолету. В его руках – пульт управления с ярким дисплеем. Каин – хирург войны, он предпочитает убивать дистанционно, не пачкая тактическую форму.

– Прогать ты научился, Макар. Красиво, признаю, – его голос звучит неестественно громко в тишине леса. – Посмотрим, как ты умеешь падать.

С крыши джипа с тонким, комариным писком взлетают три маневренных дрона-перехватчика. Они зависают в воздухе, мигая красными глазами камер. Я знаю эти игрушки. У каждой в брюхе – заряд пластида, способный превратить мой байк в гору оплавленного алюминия. Каин усмехается одними губами, и дроны срываются с места, выстраиваясь в боевой клин.

– Тварь, – выплевываю я, выжимая газ.

Я маневрирую на грани фолла, закладывая виражи между деревьями. Дроны следуют за мной, как привязанные, их жужжание впивается в мозг. Значит, я был прав: когда я активировал вирус «Жнец» из Нулевого архива, сигнал ушел не только на экраны города, но и по скрытым резервным каналам. На те самые «мертвые» лондонские серверы, которые обслуживал старший брат. Он ждал этого сигнала все эти годы.

– Макар, это Вадим. Слушай меня внимательно и не задавай вопросов.

Вадим? Старший брат, финансовый гений и призрак прошлого? Как он здесь оказался?

– Вадим? Где ты был, черт тебя дерь?! – кричу я в микрофон, уходя от очередной атаки дрона.

– Я вхожу в систему управления полетами региона, – его голос звучит абсолютно спокойно, будто он заказывает ужин в ресторане, а не взламывает государственную сеть. – Громов не долетит до Шереметьево-3. Я заблокировал его воздушный коридор и перехватил коды транспондера. Он объявлен неопознанной целью. Ему придется сесть в секторе 'Олимпа', иначе его собьют ПВО.

Надежда вспыхивает во мне, как сухая солома от зажигалки Zippo.

– Вадим, держи его! Не дай ему подняться выше! – я чувствую, как ярость сменяется холодным расчетом. – Я разберусь с его хвостом и вернусь за ними!

– Поторопись, брат, – коротко бросает Вадим. – У тебя пять минут до того, как система безопасности Громова обновит протоколы.

Я резко разворачиваю байк, направляясь к мосту через лесную речку. Это единственный шанс стряхнуть «ищейки» Каина. Один из дронов заходит сверху, пытаясь ударить в бензобак. Я пригибаюсь к самому рулю, чувствуя жар от его моторов. Второй дрон совершает самоубийственный маневр – он идет наперерез, целясь в заднее колесо.

Удар.

Взрыв шины выбрасывает меня из реальности. Мир переворачивается. Байк кувыркается по асфальту, высекая каскад ослепительных искр. Меня выбрасывает из седла, и я лечу, перекатываясь через голову, считая костями каждый выступ дороги. Боль – острая, пульсирующая – прошивает позвоночник. Я замираю у самого края обрыва, чувствуя лицом холодную влагу речной пыли.

Тишина. Она звенит в ушах, тяжелая и липкая.

Я медленно поднимаю голову, сплевывая густую, соленую кровь. Визор шлема разбит вдребезги, осколки пластика впиваются в щеку. Вдалеке, над черной полосой леса, я вижу «Еврокоптер». Он больше не набирает высоту. Из его двигателя валит густой сизый дым – Вадим не просто заблокировал коридор, он удаленно повредил систему подачи топлива. Вертолет, кренясь на бок, совершает аварийную посадку на территории «Олимпа».

– Ты не уйдешь... – шепчу я, пытаюсь опереться на руки.

Перед глазами всё плывет. Я вижу, как из темноты леса выходят люди Каина. Их четверо, они двигаются слаженно, как тени. Каин идет в центре, его лицо не выражает ничего, кроме скуки. Он достает пистолет, медленно накручивая на ствол глушитель. Я безоружен. Мой байк догорает в десяти метрах, а тело отказывается слушаться.

Этот конец? Здесь, в грязи, под прицелом наемника?

Внезапно лес взрывается светом фар. Мощный рев дизельного двигателя разрезает тишину. Из чащи, сминая кусты, бесшумно вылетает знакомый черный внедорожник Руслана. Машина идет в управляемом заносе, отсекая людей Каина от меня. Дверь распахивается еще до полной остановки.

На подножку вскакивает Тимур. Его огромная фигура в разгрузочном жилете кажется незыблемой скалой. В его руках – автомат, ствол которого смотрит прямо в грудь Каину. Тимур не колеблется. Он здесь, чтобы защищать клан, и сейчас он – мой единственный щит.

– Макар, в машину! Живо! – его бас перекрывает шум оседающих оборотов двигателя.

Я заставляю себя встать, преодолевая тошноту и звон в голове. Каждый шаг дается с трудом, легкие горят. Руслан за рулем, его лицо напряжено, взгляд прикован к зеркалам. Он не смотрит на меня, он уже просчитывает наш следующий ход.

– Время пошло, Макар! – кричит Тимур, хватая меня за ворот куртки и буквально затаскивая в салон. – Громов сел во дворе особняка. У нас есть несколько минут, пока его охрана в замешательстве!

Дверь захлопывается. Внедорожник срывается с места, унося нас обратно к «Олимпу». Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу, глядя на то, как в небе гаснут последние сигнальные огни вертолета. Громов вернулся в свою клетку. Но теперь охотники и жертвы поменялись местами.

Я чувствую, как в кармане вибрирует телефон. Сообщение от Вадима.

«Я открыл вам северные ворота. Не облажайтесь».

Я сжимаю кулаки, игнорируя боль в сломанных ребрах. Война за семью только начинается, и этой ночью «Олимп» должен пасть. Мы идем за тобой, Виктор. И на этот раз я не остановлюсь, пока не увижу пепел на месте твоей империи.

Глава 2

Мир кренится. Железо визжит под напором ветра, когда лопасти «Еврокоптера» начинают захлебываться, выплевывая в ночное небо клубы сизого, ядовитого дыма. Я чувствую, как желудок подкатывает к самому горлу от резкой потери высоты. Даня вжимается в мой бок, его маленькие пальцы судорожно вцепляются в ткань моей куртки, а я обнимаю его так крепко, словно могу своим телом погасить силу удара. Удар. Вертолет бьется о посадочную площадку с таким грохотом, будто небеса раскололись надвое.

– Всё хорошо, малыш, я рядом, – шепчу я, хотя мой собственный голос дрожит, разбиваясь о шум оседающих оборотов двигателя. – Просто держи меня за руку. Сильно-сильно.

Пол под ногами всё еще вибрирует, а воздух в кабине пропитывается резким, удушливым запахом керосина. Мое сердце колотится в ребра, как пойманная птица, грозя сломать грудную клетку. Дверь распаивается с лязгом, и в салон врывается ледяной ночной ветер, пахнущий хвоей и надвигающейся грозой.

– Выходите! Живо! – рявкает Каин, появляясь в проеме.

Его лицо, скрытое черной маской, кажется вырезанным из камня. Он хватает меня за локоть, и его хватка обжигает кожу холодом тактической перчатки. Я вскрикиваю, когда он буквально выдергивает меня на бетон, не давая времени обрести опору. Даня спотыкается, его ботинок скользит по влажной поверхности площадки, но он не издает ни звука. Он лишь смотрит вперед, туда, где из густого подмосковного тумана вырастает «Олимп».

Этот дом – воплощенный кошмар.

Белоснежный мрамор стен в свете прожекторов кажется мертвенно-бледным. Особняк возвышается над лесом, как надгробный памятник величию человека, который возомнил себя богом. Громов идет впереди нас. Его светлое кашемировое пальто хлопает на ветру, словно крылья стервятника, почуявшего скорую смерть своей добычи. Он даже не оборачивается, зная, что мы никуда не денемся. Охрана в черном окружает нас плотным кольцом, отрезая любой путь к спасению.

– Мам, мне холодно, – Даня прижимается к моему бедру, глядя на рослых наемников с автоматами наперевес.

– Потерпи, родной. Скоро мы будем в тепле, – я пытаюсь придать голосу уверенность, которой во мне нет ни на грош.

Мы входим в главный холл, и я невольно задерживаю дыхание. Здесь слишком много света. Ослепительно-белый мрамор пола отражает хрустальные люстры так ярко, что глазам становится больно. Пространство кажется бесконечным, стерильным и абсолютно безжизненным. Стекло и хром, полированные поверхности, в которых я вижу свое отражение – бледное лицо с лихорадочно блестящими изумрудными глазами. И запах.

Лилии. Они повсюду.

Тяжелый, приторно-сладкий аромат цветов заполняет легкие, вызывая тошноту. В Капотне пахло сыростью и безнадеей, но там была жизнь. Здесь же – только склеп, выкрашенный в золото. Виктор Громов останавливается посреди этого ледяного великолепия и медленно поворачивается к нам. На его лице сияет та самая снисходительная улыбка, от которой у меня по спине пробегает стадо ледяных мурашек.

– Добро пожаловать домой, Валерия, – он разводит руки в стороны, словно приглашая меня оценить масштаб своей власти. – Оставь свои страхи за порогом. Здесь вам не придется прятаться в грязных подвалах Волкова и вздрагивать от каждого шороха.

Я чувствую, как ногти впиваются в шрам в виде полумесяца на моей левой ладони. Боль отрезвляет, не давая панике окончательно парализовать волю.

– Это не дом, Виктор. Это витрина, – мой голос звучит тише шепота, но Громов слышит. Его стеклянный глаз матово поблескивает, не выражая ничего, кроме холодного любопытства.

– Домом место делают люди, а не стены, – парирует он, постукивая золотым перстнем по мраморной колонне. – Даня, тебе здесь понравится. У тебя будет собственная игровая, о которой другие дети могут только мечтать. Больше никаких железных игрушек Макара.

Я вижу, как на парадной лестнице появляется женщина. Она спускается медленно, словно каждое движение стоит ей невероятных усилий, хотя её осанка безупречна. Софья Громова. На ней жемчужное платье, идеально сидящее на тонкой, почти прозрачной фигуре. Её лицо кажется застывшей маской, на которой время не рискнуло оставить ни одной морщинки, но глаза... В этих карих глазах я вижу отражение собственной боли.

Она пахнет теми самыми лилиями.

Софья останавливается перед нами, и на мгновение её взгляд задерживается на Дане. В глубине её зрачков вспыхивает нестерпимая, острая мука, которую она тут же прячет за вежливой, профессиональной улыбкой светской львицы. Она протягивает руку – её пальцы такие же ледяные, как и этот дом.

– Пойдемте, я покажу ваши комнаты, – её голос звучит мягко, но в нем слышится звон разбитого стекла. – Мальчику нужно отдохнуть после такого... утомительного перелета. Виктор, я сама устрою их.

Громов едва заметно кивает, и я чувствую, как напряжение в его плечах немного спадает. Он удовлетворен. Его трофеи расставлены по местам.

– Да, дорогая, займись этим. Я присоединюсь к вам позже, когда закончу с делами, – бросает он, уже доставая телефон.

Софья берет меня за руку, и я не отстраняюсь. Я замираю, позволяя ей вести нас вверх по лестнице. Каждый шаг по мрамору отзывается эхом в пустоте холла. Мы проходим через бесконечные коридоры, украшенные картинами, которые кажутся мне окнами в другие тюрьмы. Наконец, Софья открывает массивную дубовую дверь на втором этаже.

Это детский блок.

Комната огромная, залитая мягким светом скрытых ламп. Она заставлена игрушками-роботами, конструкторами и гаджетами последних моделей. Огромное окно-экран на всю стену показывает умиротворяющий вид на ночной сад, но я замечаю, как стены обиты толстыми звукоизоляционными панелями. Это не детская. Это сейф. Цифровая клетка, из которой не докричаться до внешнего мира.

– Садись, Даня. Смотри, сколько тут всего, – говорю я, подталкивая сына к коврику с высоким ворсом.

Мальчик медленно опускается на пол. Он не бежит к ярким роботам. Вместо этого он берет одну из самых сложных механических моделей и начинает сосредоточенно разбирать её, точно так же, как это делал Макар в своем гараже. Мое сердце сжимается от этой картины. Кровь Волковых не обмануть дорогими побрякушками.

Громов входит в комнату следом, заполняя собой всё пространство. Он встает у окна, заложив руки за спину, и смотрит на нас как на лабораторных мышей.

– Даня останется здесь под присмотром Софьи и охраны, – его голос становится жестким, лишенным прежней приторности. – А нам с тобой, Валерия, пора заняться делом. Завтра утром ты должна дать мне первый ключ к «Икару». Мне нужен тот самый ритм, который твой отец зашил в твое подсознание. «Музыка Кобры», помнишь?

Я поднимаю на него глаза, полные ненависти. Внутри меня закипает ярость, которую я так долго подавляла.

– Я ничего не помню, Виктор. Тот ритм умер вместе с моим отцом пять лет назад.

Громов делает шаг ко мне, нарушая границы моего личного пространства. Я чувствую запах его дорогого парфюма и старого виски. Его лицо оказывается совсем рядом, и я вижу каждую пору на его коже, каждую прожилку в настоящем глазу.

– Не лги мне, Валерия. Это заложено в твоём ДНК. И если ты не начнешь сотрудничать... Даня отправится в закрытую школу-интернат на другом конце света. Там умеют работать с «особенными» детьми. Из этого места его не вытащит даже вся армия Волковых вместе взятая. Ты ведь не хочешь, чтобы твой сын забыл твоё лицо через месяц?

Угроза бьет наотмашь, лишая воздуха.

– Ты не посмеешь, – шепчу я, чувствуя, как к горлу подступает ком.

– Попробуй меня проверить, – он холодно улыбается и направляется к выходу. – У тебя есть ночь, чтобы освежить память. Спокойной ночи, Валерия.

Дверь закрывается, и я остаюсь стоять посреди этой роскошной тюрьмы. Даня продолжает возиться с игрушкой, игнорируя всё вокруг. Я выхожу в коридор, надеясь найти хоть какую-то зацепку, путь к спасению. Мои шаги бесшумны на ковровой дорожке. У гостевой спальни, которая предназначена мне, я вижу Софью. Она стоит, прислонившись к стене, и кажется, что она ждала именно меня.

Она делает вид, что поправляет складку на моем платье, когда я подхожу ближе. Её пальцы дрожат, и это первая живая эмоция, которую я вижу на её лице.

– Не верь ему, Лера, – её шепот едва различим, он сливается с шелестом кондиционера. – Он не просто хочет технологию. Он уничтожает всё, к чему прикасается.

Я замираю, боясь спугнуть это внезапное признание.

– Почему вы мне помогаете? – спрашиваю я, глядя ей прямо в глаза.

Софья на мгновение закрывает веки, и я вижу, как её ресницы подергиваются. Она прижимается к моему уху, и я чувствую жар её дыхания.

– Потому что он убил моего сына, – выдыхает она. – Точно так же, как хочет использовать твоего. Мальчик был «несовершенным» для его планов. Послушай меня внимательно. В твоей комнате, в тумбочке под зеркалом, в двойном дне... там лежит мой старый телефон. Он не подключен к сети, Виктор его не отследит. В нем загружена карта технических тоннелей особняка. Это твой единственный шанс.

Я чувствую, как в руке оказывается крошечный холодный предмет – ключ от ящика. Софья быстро отстраняется, её лицо снова превращается в безжизненную маску.

– Будь осторожна, – добавляет она громче, для тех, кто может подслушивать. – Каин следит за каждым твоим вздохом. Охрана здесь не спит.

Она уходит, не оглядываясь. Я захожу в свою комнату и плотно прикрываю дверь. Сердце колотится где-то в горле. Я быстро подхожу к тумбочке, нахожу потайное отделение и вытаскиваю старый смартфон. Он тяжелый и холодный, как слиток свинца. Экран вспыхивает тусклым светом, показывая переплетение линий – план «Олимпа», о котором Громов, вероятно, даже не подозревает.

Я поднимаю голову и замираю.

На потолке, прямо над кроватью, едва заметно мерцает крошечная красная точка лазерного микрофона. Система наблюдения работает. Каждое мое движение, каждый вздох анализируется внизу, в операторской Каина. Я чувствую себя голым зверем в клетке, за которым наблюдают через прицел.

Игра началась.

И мой единственный союзник – женщина, которая спит в постели моего палача. Я подхожу к окну и прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Там, вдалеке, за плотной стеной леса, я слышу это.

Вой.

Это не ветер. Это рев форсированного мотора, прорывающийся сквозь шум дождя. Звук, который я узнаю из тысячи. Макар. Он уже здесь. Он пересек границу, и я чувствую, как вибрация его ярости передается мне через землю и стены этого проклятого дома. Время пошло на секунды.

Глава 3

Бетонные стены подземного бункера давят на меня всей своей многотонной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.